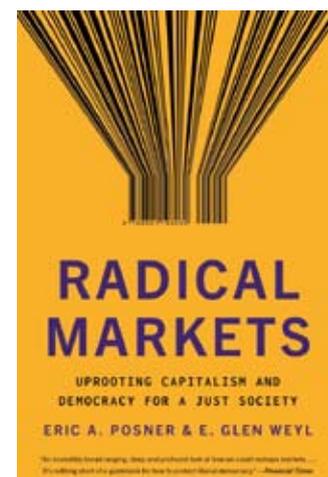

НОВЫЕ КНИГИ

Б. А. Белявский

«Враг моего врага», или Об объединяющем потенциале рыночного радикализма¹

Рецензия на книгу: Posner E. A., Weyl G. E. 2018. *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 337 p.

БЕЛЯВСКИЙ Борис Александрович — стажёр-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований, преподаватель кафедры экономической социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: bbelyavski@hse.ru

Данная статья является рецензией на книгу «*Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*» («Радикальные рынки: обнажение корней капитализма и демократии во имя справедливого общества»), написанную Эриком Познером и Гленом Вейлом и опубликованную в 2018 г. Э. Познер является известным профессором права в Чикагском университете, его работы посвящены международному праву и международным отношениям, договорам и теории игр в праве. Г. Вейл работает ведущим исследователем в *Microsoft Research* (подразделение корпорации *Microsoft*), преподаёт проектирование цифровой экономики в Йельском университете. Книга «*Radical Markets...*» посвящена поиску решений проблем неравенства и стагнации. Авторы заявляют, что для их преодоления необходимо комбинировать теоретические решения «левых» и «правых», которые позволят создать институциональное устройство, максимально отвечающее принципам рынка — свободе, конкуренции и открытости. Рынок как реализация названных принципов признаётся лучшим средством для обеспечения равенства и экономического роста. В книге рассматриваются пять относительно независимых сфер с единым источником ограничений — монополиями. В каждой главе предлагается решение для одной сферы, которое установит свободную конкуренцию и разрушит монополию.

В рамках данной рецензии представлена точка зрения, согласно которой предлагаемые авторами рассуждения не являются теоретической комбинацией «правых» и «левых» теорий, а последовательно развивают «правую» либеральную традицию. Все предложения авторов книги основаны на принципах утилитаризма, маржинализма и неоклассической экономической теории. При этом найденные авторами решения проблем оказываются исторически уместными для обоих направлений, однако не являются преодолением теоретических противоречий между неолиберализмом и критической теорией, а в публичной политике — между либерализмом и республиканизмом. В первой части рецензии, после введения, даётся общее описание идей книги и метода, используемого авторами для решения по-

¹ Данный текст выполнен в рамках проекта Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ «Неэкономические источники динамики российских рынков» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2020 г.).

ставленных задач. Во второй и третьей частях рецензии сделано подробное описание каждой главы в контексте сравнения проблематики либерализма, критической теории и республиканизма. В заключении обсуждается вопрос об эффективности поиска компромиссов между конфликтующими подходами.

Ключевые слова: либерализм; критическая теория; республиканизм; рынок; неравенство; экономический рост.

Введение

Критика либеральной концепции рынка имеет долгую историю. Очередным поводом её усиления стал экономический кризис 2007–2008 гг., после которого на Западе активизировались исследования о принципах развития, альтернативных неолиберальной идеологии [Streeck 2014]. Усилилась полемика между «правыми» сторонниками неоклассической теории и «левыми» последователями направления критической теории. В политической сфере противостояние развернулось между либеральной и республиканской концепциями [Omori 2019]. В контексте споров о послекризисном развитии в 2018 г. появилась книга Эрика Познера и Глена Вейла «Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society» («Радикальные рынки: обнажение корней капитализма и демократии во имя справедливого общества»), которая претендует не только на формулирование решений проблем неравенства и экономической стагнации, но и на разрешение теоретических противоречий между «правыми» и «левыми» [Posner, Weyl 2018].

Авторы книги являются известными специалистами в академической и бизнес-сфере США. Эрик Познер работает профессором права в Чикагском университете, в 2014 г. стал четвёртым самым цитируемым исследователем права в США. Глен Вейл — ведущий исследователь в Microsoft Research New England (MSR-NE), R & D подразделения корпорации Microsoft, является доктором экономических наук и преподаёт курс проектирования цифровой экономики в Йельском университете. Авторы книги описывают своё направление исследований как рыночный радикализм, в рамках которого они предлагают институциональные решения, направленные на борьбу с монополиями и создание рыночных аукционов в пяти разных сферах (с. xvii). Последовательная реализация рыночных принципов, по задумке авторов книги, приведёт к решению двух фундаментальных задач — к преодолению неравенства, которое представляет собой главную теоретическую проблему «левых», и обеспечению экономического роста, проблематизируемого на теоретическом уровне «правыми» (с. xv–xvi).

Выходящие рецензии на книгу дают осторожные и противоречивые отзывы о ней. Возможно, это связано с амбициозной задачей теоретического примирения непримиримых традиций. В одних рецензиях встречаем сожаление по поводу радикализма книги, который помешает распространению высказанных в ней идей [Babie 2018]. В других книгу критикуют за недостаточно последовательное применение рыночных принципов [Basshuysen 2019] или, наоборот, за чрезмерный радикализм и невнимание к проблематике личной свободы [Dagan 2019]. При прочтении же книги обнаруживается, что авторы на самом деле не выходят за теоретические рамки «правой» либеральной традиции, утилитаризма и неоклассической экономики. Все предлагаемые ими решения являются следствием последовательного применения теорий маржинализма (с. 41–42), утилитаризма (с. 98) и либеральной репрезентативной демократии (с. 86). При этом предлагаемые эмпирические решения оказываются исторически уместными и с позиции конкурирующих теоретических подходов — критической теории и республиканизма.

Выбранные авторами книги объекты критики являются общими для либерализма, критической теории и республиканизма, хотя в представленном виде совпадение выглядит случайным на теоретическом уровне. С одной стороны, такая точка зрения опровергает заявление авторов о найденном теоретиче-

ском компромиссе. Но с другой, делает книгу удобным инструментом для лучшего понимания различий между подходами, а также заставляет задуматься о действительной возможности теоретического примирения через поиск точек пересечения в теоретической проблематике. Настоящая рецензия построена следующим образом: сначала даётся общий обзор книги, представленных в ней идей и авторского метода решения задач, поставленных в каждой главе; затем на конкретных кейсах изменения институтов обсуждается степень пересечения разных теоретических традиций. Кейсы глав 1, 3, 4 и 5 анализируются через противоречия между развиваемой авторами либеральной концепцией и критической теорией, представляющей в книге обобщённых «левых». Кейс главы 2 разбирается в контексте противоречий между либерализмом и республиканизмом. Данную линию дискуссии авторы не обозначают явно, однако фактически выступают в ней на стороне либерализма, предлагая свою программу политических изменений. В конце рецензии приводится обобщение дискуссии и обсуждается вопрос о том, насколько продуктивен поиск теоретических компромиссов между рассматриваемыми традициями.

Проект рыночного радикализма

Использованное в названии книги словосочетание, отсылающее к понятию «рыночный радикализм» (*market radicalism*), обозначает направление, развиваемое авторами, которое они противопоставляют рыночному фундаментализму (*market fundamentalism*). Отличие сводится к тому, что радикализм ориентируется на теоретические принципы рынка и его идеальный тип, для которого любые эмпирические институты являются лишь формой своего исторического выражения. Фундаментализм же отстаивает институты, которые на протяжении истории стали ассоциироваться с рынком (с. xvi).

Авторы книги позиционируют себя продолжателями традиции Адама Смита, характеризуя этого учёного как рыночного радикала, чьи идеи являлись революционными для своего времени (с. xix). Рынок определяется в книге как набор принципов, предложенных Смитом и позволяющих преодолеть неравенство и обеспечить экономический рост. Хотя Эрик Познер и Глен Вейл декларируют, что противопоставление левых и правых традиций устарело (с. xv), их собственные цели и ценностные идеалы прямо продолжают традицию либерального утилитаризма, восходящую к работам Адама Смита и Иеремии Бентама, поскольку главной решаемой авторами книги задачей оказывается экономический рост, максимизация прироста экономических благ. Идеал равенства (с. 11–13) дополняет концепцию Бентама о стремлении к максимальному счастью наибольшего числа людей [Бентам 1998]. И сами авторы книги не отрицают своей преемственности с экономической и политической либеральной традицией (с. 4, 85), используют аргументы австрийской экономической школы, обращаются к Л. Мизесу, Ф. Хайеку и последователю маржинализма Л. Вальрасу (с. 41, 47).

Книга Э. Познера и Г. Вейла в целом посвящена переосмыслению институциональных границ в разных сферах и выработке нормативных предложений, которые позволят создать отношения, более близкие к идеальным принципам рынка (с. xvi). В то же время из заключения становится понятно, что рынок также является лишь исторически наиболее эффективным способом преодоления того, что авторы книги называют *stagnequality*². Причём рынок как способ функционирования экономики уже в обозримом будущем может быть заменён распределённым планированием. Рынки характеризуются авторами как первые, искусственно сконструированные «распределённые компьютеры» (с. 285). Опираясь на Л. Ф. Мизеса, они сравнивают рынки с централизованным планированием и приходят к выводу, что единственным принципиальным различием двух систем является линейность планирования и параллельная многозадачность рынка (с. 283). Критика централизованного планирования сводится

² Термин введён авторами книги по аналогии со стагфляцией. Обозначает одновременную ситуацию социального неравенства и экономической стагнации. Олицетворяет, по мнению авторов, суть проблем современного общества (с. 11).

к невозможности из единого центра настолько же эффективно распределить ресурсы, как это происходит при стихийно распределённом планировании на рынке, что и является аргументом в пользу выбора рыночного механизма.

В то же время современные вычислительные мощности и методы машинного обучения позволили заниматься укрупнённым планированием, обобщать рыночные сигналы и масштабировать планирование на уровне функции полезности индивида. Авторы книги пишут, что современные электронные приложения и сайты, такие как Amazon, Netflix и Uber, представляют собой попытки централизованного планирования спроса и предложения (с. 287). Эти попытки уже сейчас успешны и, по мнению авторов, способны привести к тотальному планированию с помощью распределённых вычислений и экосистемы из приложений, которые обеспечат долгосрочное администрирование поведения большого количества индивидов. Это будет не централизованным планированием в чистом виде, но уже и не рыночным механизмом. Познер и Вейл дают свой прогноз, являющийся, скорее, положительным (с. 293), и заключают, что их проекты рыночного радикализма — это оптимальный вариант регулирования отношений между людьми и вычислительными системами для ближайших поколений.

Понимание исторической ограниченности свидетельствует о высокой степени рефлексивности и теоретической честности авторов, однако не избавляет их от критики со стороны оппонентов. Ханоч Даган в своей рецензии замечает, что предлагаемый дизайн институтов при ориентации исключительно на равенство и экономический рост не оставляет места для личной свободы, поскольку все усилия сводятся к максимизации экономического роста для общества в целом, в то время как индивидуальное поведение рассматривается исключительно с точки зрения эффективности действия, и индивидуальная свобода может ущемляться ради экономической продуктивности [Dagan 2019: 1295]. С точки зрения республиканской традиции предлагаемое Э. Познером и Г. Вейлом видение будущего продолжает линию либерализма, критикуемую Ханной Арендт, которая видела подмену человеческого раскрытия личности в увеличении материального благосостояния общества. Вместо свободного проявления в деятельности либеральный проект пришёл к экономическому росту как единственной эффективной цели, а её реализация становится осуществимой на уровне планирования всем обществом, что обесценивает индивидуальную жизнь человека [Арендт 2000].

Безотносительно спора о личной свободе, Э. Познер и Г. Вейл предложили ряд изменений, которые должны привести реальность к большему соответствию с тремя основополагающими принципами рынка — свободой, конкуренцией и открытостью. Свобода в книге понимается как возможность устанавливать любую цену за обмениваемое благо; конкуренция описывается как отсутствие ограничений для вхождения на рынок, преодоление олигополистических и монополистических формирований, а открытость интерпретируется как равный доступ к рынку разных субъектов независимо от какой-либо их характеристики (с. 20–21). Открытость является уточнением принципа конкуренции, указывает на значимость разнообразия субъектов и плюрализма мнений, которые являются одной из центральных ценностей либеральной идеологии [Omori 2019].

Книга, как уже отмечалось, представляет собой анализ пяти относительно независимых сфер, в которых авторы проблематизируют институциональное устройство (с. 29), находят нормы и агентов, препятствующих реализации трёх рыночных принципов, и подвергают эти нормы критике либо с точки зрения монополизации рынка, либо из-за дискриминации по признаку гражданства и установления иных барьеров к участию на рынке. В качестве наиболее подходящей институциональной рыночной формы Познер и Вейл выбирают аукцион, где каждый платит максимальную цену за вещь, представляющую для него наибольшую полезность. Принцип аукциона и примеры его внедрения авторы берут у своих предшественников Генри Джорджа и Уильяма Спенсера Викри, которым посвятили свои предложения и выразили надежду, что Джордж и Викри одобрили бы представленную теорию (с. xxii).

Каждая глава книги отведена одному кейсу. Первая — рынку имущества и частной собственности вообще; вторая — механизму принятия коллективных решений; третья — международной трудовой миграции; четвёртая — работе институциональных инвесторов; пятая — производству данных. Все главы начинаются с заставки — описания воображаемой ситуации, в которой герой решает свои насущные вопросы с помощью нового института, предлагаемого авторами в качестве решения проблемы данного рынка. Затем последовательно, с привлечением теоретических и эмпирических материалов, обосновывается несоответствие реальной ситуации идеальным принципам работы рынка, чтобы в конце главы представить собственное институциональное решение. Книга читается легко, доказательства в главах системны и снабжены примерами, предназначенными для читателя, не имеющего базовой компетентности в обсуждаемой проблематике.

Авторы неоднократно пишут о сближении своих идей одновременно с «правыми» и «левыми» идеалами. Правое крыло описывается как ориентация на рост благосостояния доминирующей группы в обществе, в то время как левое борется за преодоление неравенства между доминирующей группой и меньшинствами как внутри страны, так и на международном уровне (с. 13). К правому крылу авторы относят либертарианские и неолиберальные течения, в то время как к левым — любые теории и движения, ставящие вопрос о перераспределении ресурсов для уменьшения неравенства и предоставления равных возможностей всем группам населения (с. 24). «Левые» в книге Э. Познера и Г. Вейла далеки от марксизма, но могут быть отнесены к обобщённому направлению критической теории, для которой неравенство является следствием недобросовестной конкуренции, скрытых форм господства и эксплуатации. И несмотря на последовательное развитие либеральных экономических и политических принципов, институциональные решения для конкретных кейсов действительно выглядят как удовлетворяющие требованиям направлений республиканизма и критической теории.

Однако, помимо компромисса между неолиберализмом и критической теорией, в книге ведётся поиск согласия по другой линии теоретического противостояния — между политическими течениями либерализма и республиканизма. Данная линия дискуссии связана с вопросами определения свободы и участия в публичной политике. Для республиканизма публичное участие является самостоятельной ценностью, а для либерализма — лишь средством для сохранения частных свобод в экономической сфере [Omori 2019]. Э. Познер и Г. Вейл косвенно подтверждают приверженность либеральной точке зрения, так как говорят о своём рассмотрении политического участия как неизбежного для обеспечения максимальной экономической эффективности в вопросах управления общественными благами (с. xv). Но поскольку авторы вступают в дискуссию о политическом участии, они неизбежно оказываются в споре между либеральной и республиканской концепциями на стороне либерализма. И хотя сами авторы не упоминают о линии спора между либерализмом и республиканизмом, в настоящей статье предложенные в книге решения обсуждаются в контексте спора либерализма и республиканизма.

Непосредственно сферы политического авторы касаются в главе 2; отдельные элементы предложенного в ней решения также развиваются в главе 4 и заключении. Кейс главы 2 поэтому рассматривается в рамках традиции либеральной и республиканской полемики. В остальных главах задействовано сопоставление неолиберализма и критической теории.

Рынок для «правых» и «левых»

Все решения, предлагаемые в главах 1, 3, 4, 5, оказываются практическим компромиссом между неолиберализмом и критической теорией. Несмотря на видимую приемлемость, совпадение позиций на теоретическом уровне оказывается случайным. Во всех рассматриваемых случаях авторы книги определяют источник проблем в признаках монополизации ресурса или рынка, что мешает свободной конкуренции всех как равных участников, которые в одиночку не должны иметь возможности влиять на

цену или правила обменов. Устранение компонента монополии или олигополии должно открывать дорогу к экономическому росту, что и становится результатом, интересующим неолиберальную теорию. Одновременно устранение монополий уменьшает проявление дискриминации по разным признакам, в зависимости от рассматриваемого кейса. С точки зрения критической теории это также определяется как положительное изменение, однако предлагаемые решения не уничтожают оснований для доминирования, а переводят их в иную, латентную форму.

В главе 1 представлено одно из двух центральных решений, предлагаемых в книге, которое содержит пересмотр значения института частной собственности. Авторы усматривают в институте частной собственности одну из форм монополии, которая препятствует эффективному перераспределению ресурсов в пользу тех, кто сможет воспользоваться ими наилучшим способом (с. 35–38). В то же время марксистская идея перевода частной собственности в общественную еще менее эффективна, поскольку государственное управление представляет собой чистую монополию (с. 41) с ограниченными возможностями по планированию (причины ограничений рассматривались в предыдущем разделе рецензии). Решением авторов становится частично общественное владение собственностью, которое должно быть распределённым (*partially common ownership*) (с. 52). Такая обобществлённая собственность задумана по принципу постоянного аукциона, на котором всегда находится собственность всех владельцев, а любой желающий может перекупить любой актив.

Важной составляющей данного решения является самостоятельное оценивание стоимости актива, производимое текущим владельцем, от которой будет выплачиваться налог (*common ownership self-assessed tax* — COST) (с. 61). Самостоятельная оценка стоимости актива его владельцем решает проблему сохранения инвестиций, поскольку собственник может назначить любую стоимость своего имущества, чтобы предотвратить его перекупку. При этом за повышением цены автоматически следует повышение налога, увеличивая объём богатств, находящийся в распоряжении общества в целом. Решение авторов основано на принципе «техасской перестрелки», который используется при продаже доли в совместном предприятии одному из партнёров. Каждый партнёр называет свою стоимость, оценивая оспариваемый актив. Назвавший большую сумму получает актив, но выплачивает другому сумму, равную среднему арифметическому от значений, названных обоими партнёрами (с. 52–53).

Познер и Вейл описывают ряд деталей, необходимых для нормального функционирования COST. Среди них стоит выделить возможность собственника самостоятельно определять конфигурацию неделимого актива, который оценивается как единый объект собственности, облагаемый налогом (с. 64). Авторы говорят, что в первое время после введения система не должна распространяться на личные вещи (с. 75–76), а налог должен иметь разные ставки в зависимости от типа собственности. В долгосрочной перспективе данную систему предлагается распространить и на труд, что должно сделать людей со средним достатком более защищёнными, а богатых — обязать платить за своё свободное время (с. 256–258). В рамках рассуждений неолиберальной теории повысит эффективность использования собственности, а с позиций критической теории — сделает приобретение активов более доступным для всех слоёв населения. Например, сами авторы говорят, что внедрение COST приведёт к снижению цен на землю и сделает строительство муниципального жилья для необеспеченных классов дешевле (с. 67–68). В то же время с точки зрения критической теории постоянный аукцион не устраняет неравенства на основе владения активами. И для людей, не имевших собственности, увеличение объёма социальных благ, предоставляемых обществом, не обязательно будет означать переход к равной статусной позиции в вопросах рыночного обмена по отношению к собственникам. Ю. Хабермас указывал, что крупные корпорации и СМИ манипулируют представлениями людей о ценности и собственной роли в обществе [Habermas 1991]. Переопределение ценности активов и их значения являлось предметом манипуляций уже в XX веке, самооценка стоимости активов и увеличение налога на собственность могут не оказать никакого эффекта на принцип манипулирования общественным сознанием.

В главах 3–5 предлагаемый компромисс между неолиберальной и критической теориями выражен более однозначно. Глава 3 с ярким названием «Объединяя пролетариев всех стран» («Uniting the World's Workers») (с. 127) посвящена миграционному законодательству. В ней авторы предлагают разрешить каждому гражданину страны выступить принимающей стороной для одного трудового мигранта. Здесь олигополию представляют корпорации, которые обладают правом приглашения трудовых мигрантов, которого нет у единичного гражданина (с. 161)³. В текущей ситуации корпорации и трудовые мигранты оказываются бенефициарами, а на население принимающей страны ложатся лишь издержки по проживанию вместе с приезжающими. Выгода предлагаемого решения аргументируется следующим образом: все граждане потенциально смогут оказаться бенефициарами и воспользоваться преимуществами от низкой стоимости труда мигрантов, прибыль от которой уже получают корпорации; количество квот для трудовых мигрантов многократно возрастёт, а интенсивность межкультурного взаимодействия будет повышаться; увеличится степень толерантности принимающей стороны к представителям других культур вследствие вовлечения в непосредственное взаимодействие с ними (с. 150–155).

Глава 3 критиковалась с позиций неолиберальной теории. Рецензент описывал решение авторов книги как непоследовательное. Согласно неоклассической экономической теории, на свободном международном рынке факторы производства не должны иметь ограничений для перемещений. Ограничение резидента приглашением всего одного мигранта является непоследовательным на фоне остальных предложений книги [Basshuysen 2019]. Полное снятие барьеров для трудовой миграции также соответствует идеалам равенства в рамках критической теории.

Предложение, выдвинутое в главе 4, выглядит наименее радикальным по сравнению с остальными кейсами. В главе описывается ситуация олигополии, сложившаяся на ряде рынков США и Западной Европы в связи с владением фактическим контрольным пакетом акций пятью (в США) компаниями — институциональными инвесторами, которые представляют собой инвестиционные фонды, на деньги вкладчиков покупающие акции компаний и выплачивающие проценты по вкладам с прибыли от дивидендов (с. 180–184). Проблема заключается в том, что 20-процентное владение акциями оказывается контрольным пакетом, которым владеют пять одних и тех же институциональных инвесторов в крупнейших банках и производственных компаниях США. На момент написания книги институциональным инвесторам принадлежали 60% активов в экономике США и 90% компаний из списка «S & P 500»⁴ (с. 184).

Познер и Вейл доказывают, что присутствие институциональных инвесторов подавляет конкуренцию на рынке, препятствует повышению качества продукции и снижению цены, и ссылаются для подтверждения на результаты эмпирических исследований (с. 185). Авторы книги предлагают простое решение: введение запрета на владение более чем 1% акций в компаниях, если институциональный инвестор вкладывается в несколько фирм на рынке. Или разрешить компаниям вкладываться в более чем 1% акций при условии инвестирования только в одну фирму отрасли. В совокупности обе составляющие предложения затронут только наиболее крупных игроков, сделают их менее влиятельными на рынке, но сохранят их возможность заработка на инвестициях (с. 191–196). Антимонопольное регулирование не является центральным вопросом для критической теории. Предложенное авторами книги решение выглядит уместным как средство для уменьшения господства частных корпораций в данный исторический момент.

Концептуальное решение главы 5 является одним из трёх наиболее радикальных (вместе с предложениями, сделанными в главах 1 и 2). В главе 5 обсуждаются роль и стоимость пользовательских данных,

³ Глава 3 посвящена миграционному законодательству США.

⁴ Индекс компании Standard & Poor's.

сохраняемых корпорациями. Авторы книги заявляют, что сфера предоставления и применения данных находится на стадии феодализма, поскольку создание данных в сервисах является неоплачиваемой формой труда (с. 208–209). Свою позицию авторы книги обосновывают принципом работы нейронных сетей и машинного обучения. В устаревших линейных вычислениях ценность каждой новой единицы данных падала после накопления статистически значимой выборки. В современных параллельных вычислениях стоимость новых данных возрастает скачкообразно, после накопления пороговых значений. Принцип машинного обучения заключается в том, что по мере накопления массива данных усложняется аналитическая модель. Таким образом, новые данные о действиях пользователей сохраняют или даже увеличивают свою ценность для вычисления закономерностей в поведении и предпочтениях (с. 214–220).

В сложившейся ситуации корпорации, владеющие пользовательскими данными, обладают источником знаний о пользовательских предпочтениях, ценность которого возрастает вместе с объёмом данных. Эти знания могут быть полезны для улучшения рекламного таргетинга, а также для создания более выгодного в глазах клиента продукта. Авторы сравнивают текущую ситуацию с феодализмом, потому что корпорации предоставляют пользователям бесплатные сервисы в обмен на данные, однако стоимость доступа к приложению гораздо ниже, чем передаваемая информация (с. 232). Кроме того, по мнению Познера и Вейла, корпорации осведомлены о высокой ценности данных, потому что недостающие фрагменты информации тайно закупаются компаниями через опросные организации, вместо того чтобы купить нужные данные непосредственно у пользователей собственных сервисов, поскольку оглашение покупки данных создаст прецедент в глазах пользователей (с. 233–235).

Авторы книги предлагают создать профсоюз работников по производству данных (*data workers*) (с. 241), который сможет принудить корпорации к оплате своего труда. Причём забастовки такого профсоюза окажутся вдвое действеннее акций других профсоюзов, поскольку будут выражаться в отказе от использования сервисов компании, тем самым лишая корпорации как результатов труда в форме данных, так и спроса на услуги (с. 242). Одновременно с оплатой данных компаниям следует начать взимать плату за использование своих сервисов, что в совокупности создаст в цифровой сфере реальные рынки данных и услуг. На глобальном уровне предложенное авторами решение снимает угрозу безработицы в связи с компьютеризацией. Если прежде считалось, что с внедрением компьютерных технологий новые отрасли создают меньше рабочих мест, чем их исчезает в связи с закрытием старых предприятий, то переопределение производства данных в качестве трудовой деятельности означает создание рабочих мест для всего населения, использующего цифровые сервисы (с. 220–223).

С точки зрения критической теории переход от «феодалного» типа отношений к рыночному, безусловно, является шагом по преодолению неравенства. Создание профсоюза работников по производству данных теоретически может объединить всех людей, использующих цифровые сервисы. Но этим шагом не преодолевается конфликт между левым и правым теоретическими направлениями, как заявляют авторы книги (с. 28), а только переводится в новую сферу — собственности на цифровые данные. В целях последовательности авторам стоило бы упомянуть о возможности расширения самооцениваемого налога COST на данные, принадлежащие корпорациям. Познер и Вейл предлагают в главе 4 распространять COST на владение долями предприятия (с. 194), но не упоминают о данной возможности в главе 5. Однако если согласиться с применением COST при оценке стоимости данных, это не лишает корпорации возможностей манипуляции общественным мнением и мнением пользователей. Причём именно данные оказываются инструментом, позволяющим сохранять или увеличивать манипулятивный эффект. Частичное обобществление и введение налога COST повышает издержки манипуляции, но не предотвращает её возможность.

В целом все рассмотренные решения являются исторически уместными как для представителей неоллиберализма, так и для сторонников критической теории. Не имеет смысла обвинять авторов книги в том,

что их предложения не снимают окончательно теоретических противоречий между сторонами. Объектом критики в рамках данной рецензии является претензия авторов на подобные решения, а также отсутствие оснований считать их предложения успешным вариантом для обдумывания поставленной теоретической задачи.

Интерес против доминирования

В главах 1 и 2 книги содержатся ключевые для авторов предложения, которые затем используются как дополнительный инструмент поддержания рынка в других обсуждаемых кейсах. Глава 2 посвящена вопросам принятия политических и любых других коллективных решений. Точкой напряжения является обратная зависимость между равенством и эффективностью принятия решений (с. 86). Авторы следуют концепции репрезентативной демократии, сформулированной внутри либеральной традиции (с. 85–86). Для данной традиции компромисс между равенством и эффективностью заключается в том, чтобы все граждане страны на равных основаниях участвовали в выборе представителей органов власти, которые будут непосредственно осуществлять правление и принятие решений, небольшим количеством голосующих относительно всего населения. Задача исследователей, поддерживающих это направление, сводится к поиску средств, с помощью которых удастся обеспечить совпадение интересов правящих представителей и избирателей или повысить влияние избирателей на правителей, сделав этих последних подотчётными в своих действиях [Kitschelt 2000; Golden, Min 2013;].

Для либерализма публичное представительство имеет инструментальную ценность, заключающуюся в защите частной собственности и других индивидуальных свобод от внешних посягательств [Omori 2019], хотя для Э. Познера и Г. Вейла сфера публичной политики важна и как институт управления общественными благами — собственностью в коллективном владении (с. xv). И для авторов книги, и для либеральной традиции в целом политика и коллективное принятие решений являются лишь средством для обеспечения эффективности частного хозяйствования. В противоположность либерализму, для республиканского направления публичное участие — одновременно терминальная и инструментальная ценность [Pettit 1993]. Для республиканизма истинно человеческое состояние проявляется в возможности принимать самостоятельные решения и независимости от внешнего принуждения [Skinner 2002]. Доминирование же правителя или социальной группы, в том числе демократического большинства, которое может навязать свою волю меньшинству, — это угроза для свободного состояния [Omori 2019]. Экономическое хозяйствование оказывается одной из сфер принятия решений, причём вторичной по отношению к вопросам публичного взаимодействия между людьми [Арендт 2000].

Предложенный авторами новый способ выборов и принятия решений оказался контекстуально уместным с точки зрения обеих традиций, поскольку выбранный Познером и Вейлом объект критики является проблемным и для либерализма, и для республиканизма. Однако, как и в случае со спором между либерализмом и критической теорией, авторы находят решение с помощью понятий, существующих в либеральной традиции. Практические рекомендации, направленные против общего объекта критики, оказываются более эффективными, чем ныне действующее институциональное устройство, но не снимают теоретических противоречий между подходами, как о том заявляют авторы.

Познер и Вейл применяют экономическую теорию в области политического и характеризуют партийные системы как примеры олигополий и монополий. Избиратель вынужден голосовать за одного из наиболее популярных кандидатов, чтобы его голос не пропал зря (с. 93–95). А на референдумах и плебисцитах голосовать приходится соответственно за наиболее популярные решения, тем самым подчиняясь воле большинства. Такой порядок, с точки зрения авторов, препятствует эффективному принятию решений и реализации частных интересов, поскольку в этом случае сильно сокращена роль конкуренции между политическими партиями и кандидатами по отношению к свободным рынкам.

С позиции республиканизма поляризация мнений и подчинение воле большинства также является проблемой, но причина этого кроется не в низкой эффективности принятия решений, а в нарушении принципа свободы и равенства, неразрывно связанных с проявлением человека как личности.

Авторы книги расценивают решение, которое они предлагают, как распространение принципа утилитаризма на политику, согласно которому, человек должен «платить» или влиять на результат голосования в той степени, в которой для него желаемый результат является ценным (с. 98). Для этого в процесс принятия решений предлагается добавить дополнительное измерение — интерес или заинтересованность человека. Это измерение должно быть создано за счёт возможности сохранить свой голос для будущих голосований посредством выбора варианта «воздержался или безразлично». Неиспользованные голоса сохраняются и могут быть прибавлены к своему решению в любом другом голосовании. При этом в каждом новом голосовании человеку предоставляется один голос, который он может использовать сразу или сохранить на будущее (с. 105–110).

Авторы книги выводят формулу понижающего коэффициента, по которой должен высчитываться вес сохранённых голосов, используемых при будущих голосованиях. Такие голоса становятся «избирательными кредитами» (*voicing credits*), обратный перевод избирательных кредитов в полноценные голоса для выражения мнения вычисляется как квадратный корень из суммы «избирательных кредитов», которые человек хочет прибавить к своему голосу. Например, если человек четыре раза воздерживался от выбора, то при следующем голосовании его «кредиты» будут приравнены к двум голосам других избирателей. Если человек воздерживался от выбора 400 раз, то «кредиты» приравняются к 20 голосам других избирателей (с. 106). Для такого инструмента и название предлагается соответствующее: *quadratic voting* (QV), то есть «квадратичное голосование», что также является и обоснованием заглавия книги, в котором есть слово *radical*, а именно им обозначается символ квадратного корня (с. 106).

Формула коэффициента ценности избирательного кредита также выводится из представлений экономики о монополиях. Продвижение своего решения в голосовании определяется как форма монополизации «рынка принятия решений» (с. 103). Это значит, что своим решением голосующий создаёт «мёртвый груз», который на графиках определяется как потерянная обществом, покупателями и продавцом ценность из-за цены, назначенной продавцом-монополистом, поэтому Познер и Вейл предлагают монополисту в голосовании выплатить издержки «мёртвого груза» тем, чьё решение не было принято. Исходя из графика монопольного рынка, площадь «мёртвого груза» должна рассчитываться как площадь треугольника, обозначающего «мёртвый груз», которая в переносе на принятие коллективных решений должна вычисляться как квадратный корень из суммы «избирательных кредитов» (с. 104–105).

Авторы книги протестировали свой механизм принятия решений в специально созданном мобильном приложении. Их результаты показали, что пользователи остались в большей степени довольны результатами собственных выборов в приложении по сравнению с результатами голосования на реальных референдумах. При этом распределение решений при голосовании приблизилось к нормальному, в то время как отзывы на других сайтах и результаты голосований имеют W-образное распределение (с. 112–116), что, по мнению авторов, свидетельствует о большей эффективности их инструмента. Познер и Вейл предлагают использовать механику QV везде, где необходимо принимать коллективные решения: на референдумах и плебисцитах, на выборах всех уровней власти (с. 118–119); при голосовании в совете директоров корпораций, где «избирательными кредитами» будет служить количество акций у одного акционера (с. 194), а также на международной арене, где в качестве «избирательных кредитов» следует использовать сложный индекс, который может включать объём ВВП страны в целом и на душу населения, индекс развития человеческого капитала и любые параметры, которые страны-участницы согласятся принять (с. 264–270). В заключении авторы упомянули о возможности широкой

вариации «избирательных кредитов». Например, можно использовать в качестве кредитов количество денег, вложенных в финансирование общественного проекта, при принятии решений о его целях, границах и формах реализации (с. 263).

С республиканской точки зрения предложенная в главе 2 система повышает роль каждого отдельного участника обсуждений и его возможности влияния на исход процесса принятия решений. Это должно повысить интерес к общественным обсуждениям, усилить чувство личной ответственности, на что рассчитывают и сами авторы (с. 109–110). Применение принципа QV при голосовании акционеров приблизит владельцев акций к идеалу собственников — образу этакого западноевропейского буржуа XVIII века, который обладал реальной возможностью распоряжаться своими активами, по версии Хабермаса [Habermas 1991]. Это должно упростить формирование общего интереса в противовес торгу за частные выгоды. К тому же система накопления «избирательных кредитов» и вариация их форм могут способствовать переходу доминирования из приватной сферы в публичную дискуссию, сделав властное неравенство более открытым для критики.

В то же время система QV остаётся институтом доминирования, особенно при использовании в качестве «избирательных кредитов» денег или других форм капиталов. Видимый характер доминирования сохраняет потенциал принуждения одного человека воле другого. Изначально предложенная система накопления голосов также сохраняет компонент доминирования, поскольку вынуждает человека отказываться от участия в одних голосованиях ради накопления возможностей для продвижения желаемого результата в других. Выбор значимых и незначимых обсуждений для использования своих «избирательных кредитов» оказывается дополнительной областью манипуляций со стороны СМИ и корпораций, обладающих данными о предпочтениях и поведенческих особенностях человека. И хотя внутри республиканской традиции необходимость терпеть описывается как неизбежная составляющая публичных действий [Арендт 2000], вынужденное состояние пассивности, заложенное в институте QV, является проблемой теоретического характера, которая требует поиска дальнейших решений. Таким образом, несмотря на продуктивность предлагаемых авторами книги решений, они представляют собой лишь временные компромиссы, соответствующие различным теоретическим подходам, но не снимающие фундаментальных противоречий между ними.

Заключение

Рецензируемая книга — удачный пример поиска эмпирических компромиссов, которые соответствуют разным теоретическим подходам. Предложенные авторами институциональные изменения могут быть интересны и «правым», и «левым», а в вопросе политической свободы — либералам и республиканцам. В совокупности решения, представленные во всех главах, обещают увеличение средств, находящихся в совместном владении общества, увеличение возможностей влияния на принятие решений отдельным человеком и акционером, а также увеличение степени прозрачности властных отношений и доминирования. Самооцениваемый налог COST, описанный в главе 1, должен увеличить общественный доход и сделать реализацию хозяйственных проектов более доступной (с. 66–69). Квадратичное голосование QV из главы 2 должно формализовать властное доминирование и сделать процесс принятия решений более гибким (с. 85–96). Предложенная в главе 3 система VIP должна расширить рынок международной трудовой миграции и обеспечить выгоду всем стейкхолдерам (с. 142). Глава 4 содержит наиболее «традиционный» проект борьбы против монополий (с. 185–191), а глава 5 предполагает создание нового массового рынка труда, укрепление власти пользователей цифровыми сервисами, а также проблематизирует и освещает новые формы неравенства (с. 208–209).

Несмотря на привлекательность, предлагаемые решения не могут снять противоречий между теоретическими подходами, как на то надеются авторы рецензируемой книги (с. xvii). Для нелиберальной

теории предложенные решения должны создать ситуацию, наиболее близкую к идеальной, когда в ходе свободной конкуренции частные акторы будут стремиться к социально полезному неравенству в производстве лучших благ (с. 185–191). С точки зрения критической теории все предложенные меры не убирают оснований неравенства, а также возможностей для манипуляции общественным сознанием. В политической плоскости с позиции республиканизма нововведения также не уничтожают доминирования, лишь делают его более явным. При этом сохранится необходимость в подчинении чужой воле либо для накопления голосов, либо из-за отсутствия ресурсов, используемых в качестве «избирательных кредитов».

И хотя все предложения авторов требуют эмпирической валидации, книга продемонстрировала возможность поиска временных теоретических компромиссов. Э. Познеру и Г. Вейлу удалось найти и теоретически описать объекты критики, общие для нескольких широких теоретических направлений. Кратковременный компромисс позволил ослабить «общих врагов», имеющих многоликую интерпретацию, — монополии, господство, манипуляция. Возможно, на основе поиска общих объектов критики с помощью разных принципов постановки проблемы удастся неоднократно повторить успех авторов и найти множество других временных теоретических компромиссов для обогащения социальных теорий и выработки новых институциональных практик.

Литература

Арендт Х. 2000. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.

Бентам И. 1998. *Введение в основания нравственности и законодательства*. М.: РОССПЭН.

Babie P. 2018. The Future of Private Property. *Sydney Law Review*. 40 (3): 433–444.

Basshuysen P. van. 2019. Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society. *Review of Political Economy*. 31 (1): 137–141. URL: <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1596564>

Dagan H. 2019. Why Markets? Welfare, Autonomy, and the Just Society. *Michigan Law Review*. 117 (6): 1289–1312.

Golden M., Min B. 2013. Distributive Politics Around the World. *Annual Review of Political Science*. 16 (1): 73–99. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052209-121553>

Habermas J. 1991. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Kitschelt H. 2000. Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities. *Comparative Political Studies*. 33 (6–7): 845–879. URL: <https://doi.org/10.1177/001041400003300607>

Omori H. 2019. Liberty and the Rule of Law in Two Strands of Republicanism. *Okayama Law Journal*. 68 (3–4): 21–68.

Pettit P. 1993. Liberalism and Republicanism. *Australian Journal of Political Science*. 28 (4): 162–189. URL: <https://doi.org/10.1080/00323269308402274>

Posner E. A., Weyl G. E. 2018. *Radical Markets Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.

Skinner Q. 2002. A Third Concept of Liberty. *London Review of Books*. 24 (7). URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v24/n07/quentin-skinner/a-third-concept-of-liberty>

Streeck W. 2014. How Will Capitalism End? *New Left Review*. 87: 35–64.

NEW BOOKS

Boris Belyavskiy

The Enemy of My Enemy or About the Uniting Potential of Market Radicalism

Book Review: Posner E. A., Weyl G. E. (2018) *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*, Princeton; Oxford: Princeton University Press. 337 p.

BELYAVSKIY, Boris —

Research intern, Laboratory for Studies in Economic sociology; Lecturer, Department of Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: bbelyavski@hse.ru

Abstract

This paper is a review of *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*, the book by Eric A. Posner and Glen E. Weyl and published in 2018. Prof. Posner works at the University of Chicago, where his scholarship is dedicated to international law, foreign relations law, contracts, and game theory and the law. Glen E. Weyl is a Prior Researcher at Microsoft Research New England who also teaches a course Designing the Digital Economy at Yale University. The book concentrates on solutions for the problems of inequality and stagnation. The authors claim that solutions need a combination of left and right theoretical

principles. Such a combination allows for institutional systems to approach market principles of freedom, competition, and openness. The market is considered the best tool for providing both equality and economic growth. Five relatively separate spheres are studied in the book, and the same monopolistic restrictions are highlighted. Each chapter presents a solution for one sphere that should enforce free competition and destroy a monopoly.

This review proposes an interpretation that the reasonings presented in the book do not create a compromise between left and right. The authors develop a right liberal tradition instead. All the propositions are based on the principles of utilitarianism, marginalist calculations, and neoclassical economics. Simultaneously, the presented solutions appear historically relevant for both approaches, while the solutions do not overcome the theoretical contradictions between neoliberalism and critical theory in the economy and between liberalism and republicanism in politics. The book's general ideas are discussed after the introduction. Next, specific cases are analyzed through comparison of the principles of liberalism, critical theory, and republicanism. A discussion about the efficiency of theoretical compromises concludes the paper.

Keywords: liberalism; critical theory; republicanism; market; inequality; economic growth.

Acknowledgments

The work is realized within the project of “Non-Economic Sources for the Dynamics in Russian Markets” organized by Laboratory for Studies in Economic Sociology and supported by the Center for Advanced Studies at HSE.

References

Arendt H. (2000) *Vita Activa, ili O Deyatelnoy zhizni* [The Human Condition], Saint-Petersburg: Aleteya (in Russian).

- Babie P. (2018) The Future of Private Property. *Sydney Law Review*, vol. 40 no 3, pp. 433–444.
- Basshuysen P. van (2019) Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society. *Review of Political Economy*, vol. 31, no 1, pp. 137–141. Available at: <https://doi.org/10.1080/09538259.2019.1596564> (accessed 4 March 2020).
- Bentham J. (1998) *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatelstva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Dagan H. (2019) Why Markets? Welfare, Autonomy, and the Just Society. *Michigan Law Review*, vol. 117, no 6, pp. 1289–1312.
- Golden M., Min B. (2013) Distributive Politics around the World. *Annual Review of Political Science*, vol. 16, no 1, pp. 73–99. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052209-121553> (accessed 4 March 2020).
- Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- Kitschelt H. (2000) Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities. *Comparative Political Studies*, vol. 33, no 6–7, pp. 845–879. Available at: <https://doi.org/10.1177/001041400003300607> (accessed 4 March 2020).
- Omori H. (2019) Liberty and the Rule of Law in Two Strands of Republicanism. *Okayama Law Journal*, vol. 68, no 3–4, pp. 21–68.
- Pettit P. (1993). Liberalism and Republicanism. *Australian Journal of Political Science*, vol. 28, no 4, pp. 162–189. Available at: <https://doi.org/10.1080/00323269308402274> (accessed 4 Marh 2020).
- Posner E. A., Weyl G. E. (2018) *Radical Markets Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Skinner Q. (2002) A Third Concept of Liberty. *London Review of Books*, vol. 24, no 7. Available at: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v24/n07/quentin-skinner/a-third-concept-of-liberty> (accessed 4 March 2020).
- Streeck W. (2014) How Will Capitalism End? *New Left Review*, no 87, pp. 35–64.

Received: February 21, 2020.

Citation: Belyavskiy B. (2020) «Vrag moego vraga», ili Ob obedinyayushchem potentsiale rynochnogo radikalizma [The Enemy of My Enemy or About the Uniting Potential of Market Radicalism]. Book review: Posner E. A., Weyl G. E. (2018) *Radical Markets: Uprooting Capitalism and Democracy for a Just Society*, Princeton; Oxford: Princeton University Press. 337 p. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 76–90. doi: [10.17323/1726-3247-2020-2-76-90](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-2-76-90) (in Russian).